

I. Къ исторіи русскаго государственнаго лѣснаго управленія *).

(Воспоминанія изъ давно прошедшаго).

II.

Лѣсная часть, съ образованіемъ въ 1839 г. корпуса лѣсничихъ, получила совершенно новое устройство, какъ административное, такъ и хозяйственное.

Громадность предстоявшей задачи по водворенію въ лѣсахъ порядка и новостъ дѣла были причиною того, что въ теченіи многихъ лѣтъ проявляется, съ одной стороны, въ распоряженіяхъ самаго новаго министерства нѣкоторая какъ будто неопредѣлительность и неувѣренность въ своихъ силахъ, съ другой же стороны неумѣлость губернскаго мѣстнаго лѣснаго управленія приводитъ въ исполненіе предписываемыя мѣропріятія. Неумѣлость совершенно понятна при полномъ почти отсутствіи лицъ, специально къ лѣсной части подготовленныхъ. Отъ того то указанія, исходящія отъ центрального управленія, весьма часто, не смотря на многократныя подтвержденія, то оставались мертвою буквою, то приводились въ исполненіе въ извращенномъ видѣ.

Первѣйшею задачею Министерства, при самомъ его возникновеніи, должно было быть и было прекращеніе возможности повторенія такихъ крупныхъ злоупотребленій, какія случались нерѣдко при прежнемъ управленіи. Такъ, для примѣра, упомяну' о доносѣ,

---

* См. Лѣсной Журналъ 1833 г. Вып. I.
Лѣсной Журналъ, № 9. 1873 г.

поступившемъ въ 1836 году къ бывшему Казанскому Военному Губернатору Сенатору Стрекалову отъ бывшаго лѣсничаго Елисеева, объ истребленіи въ одномъ Казанскомъ уѣздѣ дубоваго лѣса, будто бы, на 18 милліоновъ рублей ассигнаціями, что и оправдалось произведеннымъ слѣдствіемъ, хотя злоупотребленіе и оказалось гораздо меньшихъ размѣровъ. Или въ Орловской губерніи, гдѣ при производствѣ слѣдствія объ истребленіи въ Трубчевскомъ уѣздѣ казенныхъ лѣсовъ, состоявшихъ въ завѣдываніи бывшаго форстмейстера Красовскаго, заарестовано было у крестьянъ разныхъ селеній 8499 бревенъ, 181 досокъ, 150 колевъ и 632 сажени, да еще 990 возовъ, дровъ.

Чтобы прекратить злоупотребленія и всякаго рода правонарушенія въ лѣсахъ, прежде всего нужно было установить такой строй администраціи, при которомъ контроль былъ бы возможенъ не однимъ бумажнымъ путемъ, но и на мѣстахъ въ лѣсу, а для прочнаго охраненія лѣсовъ былъ бы улучшенъ составъ лѣсной стражи. Въ этихъ видахъ въ 1837 году главное управленіе казенными лѣсами сосредоточено было въ возникшемъ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, но въ немъ небыло образовано для лѣсной части одного отдѣльнаго центрального управленія, а оно раздроблено было по нѣсколькимъ департаментамъ: лѣсныя дѣла Велико-россійскихъ губерній—отнесены къ первому Департаменту; лѣсныя дѣла Западнаго и Остзейскаго Края относились ко второму Департаменту, а училища по лѣсной части къ третьему Департаменту; когда же съ учрежденіемъ Корпуса Лѣсничихъ въ 1839 году онъ получилъ военное устройство, то въ то же время образовано было, для завѣдыванія инспекторскою частью, особое Дежурство Корпуса Лѣсничихъ, вѣдѣнію котораго подлежалъ личный составъ Корпуса.

При раздробленіи управленія лѣсами по разнымъ Департаментамъ, понятно, не могло существовать единства въ дѣйствіяхъ, что вскорѣ и обнаружилось и имѣло послѣдствіемъ открытіе одного общаго центрального управленія по лѣсной части. Лѣсной Департаментъ былъ учрежденъ 18 января 1843 года и къ нему перешли всѣ лѣсныя дѣла изъ 1-го и 2-го Департаментовъ и Дежурства Корпуса Лѣсничихъ. Директоръ Лѣснаго Департамента сдѣланъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Инспекторомъ Корпуса Лѣсничихъ. Одинъ только Лѣсной Институтъ остался, по прежнему, въ вѣдѣніи третьяго Департамента, который впослѣдствіи переименованъ былъ въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства.

Сосредоточеніе всѣхъ лѣсныхъ дѣлъ въ одномъ департаментѣ было, безспорно, важнымъ шагомъ къ улучшенію администраціи. Распредѣленіе дѣлъ между отдѣленіями по предметамъ, а не по полосамъ, было совершенно соотвѣтственнымъ.

Въ губерніяхъ строй администраціи созданъ въ началѣ слѣдующій: въ каждой губерніи (кромѣ нѣкоторыхъ) учреждены коллегіальныя присутственныя мѣста—Палаты Государственныхъ Имуществъ, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе по всей губерніи казенными крестьянами, оброчными статьями и лѣсами. Начальникомъ состоялъ—управляющій Палатою. Въ Палатѣ образовано особое лѣсное отдѣленіе, которымъ завѣдывалъ, на правахъ совѣтника, губернский лѣсничій. Ему подчинялись всѣ лѣсные чины и стража въ губерніи. При нѣкоторыхъ палатахъ состояли ученые лѣсничіе, въ видѣ помощниковъ губернскимъ лѣсничимъ.

Каждая губернія раздѣлялась на округа государственныхъ имуществъ и въ каждомъ изъ нихъ находился для завѣдыванія крестьянами и оброчными статьями—окружной начальникъ съ помощниками его, а для завѣдыванія лѣсами—окружной лѣсничій. Эти чины дѣйствовали каждый по своей части, независимо другъ отъ друга, сносясь каждый непосредственно съ Палатою, такъ что въ округахъ лѣсная часть была совершенно отдѣлена отъ хозяйственной.

Каждый округъ лѣснаго вѣдомства разбивался на лѣсничества, которыми управляли лѣсничіе и подлѣсничіе. Въ непосредственномъ завѣдываніи ихъ находились лѣса и лѣсная стража.

Нѣсколько позже, въ 1845 году, должности окружныхъ лѣсничихъ были упразднены и взамѣнъ ихъ образованы должности лѣсныхъ ревизоровъ. Часть обязанностей, лежавшихъ на окружныхъ лѣсничихъ, перешла къ ревизорамъ, а часть къ лѣсничимъ и эти послѣдніе должны были входить уже въ непосредственное сношеніе съ Палатами, тогда какъ ранѣе всѣ донесенія лѣсничихъ и предписанія Палатъ шли чрезъ окружныхъ лѣсничихъ. Въ то же время всѣмъ мѣстнымъ лѣснымъ офицерамъ присвоено одно только названіе лѣсничихъ, а въ помощь лѣсничимъ повелѣно опредѣлять тамъ, гдѣ надобность того потребуетъ, обученныхъ лѣснымъ наукамъ кондукторовъ, выпускаемыхъ изъ егерскихъ училищъ, давъ имъ названіе подлѣсничихъ. (Циркул. предп. Мин. Госуд. Имущ. 25 апр. 1845 г. № 1788).

Официально объявлено, что мотивомъ для этихъ перемѣнъ по-

служила необходимость устранить неудобства въ управленіи лѣсами, болѣе усилить надзоръ за оными и развить лѣсное хозяйство.

Въ совѣщаніяхъ по этимъ существеннымъ перемѣнамъ административнаго строя, мнѣ не приходилось участвовать, о чемъ я позже очень сожалѣлъ. Узналъ я объ этихъ преобразованіяхъ въ то уже время, когда они были совершившимся фактомъ. Въ 1845 году я еще не стоялъ достаточно близко къ Павлу Дмитриевичу Киселеву, ибо, возвратясь въ концѣ 1843 года съ лѣсоустроительныхъ работъ въ разныхъ губерніяхъ, былъ опредѣленъ ученымъ лѣсничимъ Департамента и дѣлопроизводителемъ Специальнаго по лѣсной части Комитета, а въ 1844 г. сталъ управлять, на правахъ начальника, четвертымъ отдѣленіемъ Лѣснаго Департамента, такъ что меня могъ уже ближе знать Товарищъ Министра Н. М. Гамалѣя, который впрочемъ не особенно мнѣ благоволилъ, а личныхъ докладовъ у Министра я еще не имѣлъ. Позже по всѣмъ преобразованіямъ въ лѣсномъ управленіи П. Д. Киселевъ приказывалъ статсъ-секретарю Карнѣеву приглашать меня. Въ то время принятъ былъ такой порядокъ, что всѣ проекты преобразованій, требовавшихъ утвержденія законодательнымъ порядкомъ, передавались для окончательной разработки статсъ-секретарю Карнѣеву управлявшему V отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Перемѣнами въ 1845 г. исправлена была въ строѣ лѣсной администраціи та ошибка, какая сдѣлана была въ началѣ при созданіи должности окружнаго лѣсничаго, но не обошлись безъ новой ошибки въ отношеніи обязанностей кондукторовъ.

Очевидно, что въ началѣ не совсѣмъ ясно представлялась идея образованія должностей окружныхъ лѣсничихъ; но въ кружкѣ офицеровъ корпуса лѣсничихъ сороковыхъ годовъ существовало убѣжденіе, что должно быть было желаніе строй нашей лѣсной администраціи приблизить къ Прусскимъ порядкамъ. Если это такъ, то наши окружные лѣсничіе должны бы были замѣнить собою Прусскихъ оберъ-ферстеровъ, а лѣсничіе—ферстеровъ, и это, вѣроятно, лежало въ основѣ идеи первоначальныхъ составителей проекта, ибо иначе, если бы пожелали сравнить обязанности окружныхъ лѣсничихъ съ тѣми, какіе возложены на прусскихъ форстъ-инспекторовъ, то у насъ самое названіе окружныхъ лѣсничихъ не было бы имъ дано, а ихъ прямо бы назвали, какъ въ послѣдствіи въ 1845 году, лѣсными ревизорами. Кромѣ того, окружныхъ лѣс-

ничихъ, (если бы при созданіи этой должности не представлялась идея объ обязанностяхъ прусскаго оберъ-ферстера), не сдѣлали бы посредствующей инстанціей между лѣсничими и Палатою. При намѣреніи же поставить нашихъ окружныхъ лѣсничихъ въ положеніе прусскихъ форстъ-инспекторовъ,— обязанности послѣднихъ были бы перенесены къ намъ, т. е. окружныхъ лѣсничихъ, сдѣлали бы исключительно контролирующими чинами, чрезъ инстанцію которыхъ не должны проходить ни какія письменныя сношенія Палаты съ лѣсничими, а такъ какъ установили, что лѣсничіе доносятъ окружному лѣсничему, а не прямо Палатѣ, и получаютъ предписанія также чрезъ посредство окружнаго лѣсничаго, то по образцу прусскому нашъ лѣсничій поставленъ былъ въ положеніе ферстера, а нашъ окружной лѣсничій—оберъ-ферстера.

Такимъ образомъ понятно, что положеніе нашихъ окружныхъ лѣсничихъ было совершенно ошибочное. Они не могли исполнять обязанностей прусскихъ оберъ-ферстеровъ. т. е. быть настоящими направителями хозяйства въ лѣсахъ, такъ какъ для этого раіоны, отведенныя нашимъ окружнымъ лѣсничимъ, были слишкомъ обширны; но и исполненіе обязанностей прусскихъ форстъ-инспекторовъ было затруднено нашимъ окружнымъ лѣсничимъ, ибо ихъ обременили, во вредъ дѣлу, обязанностями посредствующей инстанціи. Въ этомъ послѣднемъ положеніи, они составляли только тормазъ, замедляющій переписку и исполненіе приказаній высшаго начальства, что и оказалось на дѣлѣ. Такимъ образомъ въ 1845 году совершенно правильно окружныхъ лѣсничихъ переименовали въ ревизоровъ, сдѣлавъ ихъ исключительно органами контроля надъ лѣсами и лѣсничими, каковыхъ органовъ ранѣе не доставало Палатамъ. Но за то въ 1845 г. сдѣлали другую ошибку: учредивъ званіе кондукторовъ, которые назначались въ помощь лѣсничимъ и даже получали названіе подлѣсничихъ, этимъ чинамъ не назначили въ завѣдываніе, подъ направленіемъ лѣсничихъ, особыхъ лѣсничествъ или участковъ, а постановили, чтобы кондукторы состояли при лѣсничихъ помощниками. Этимъ создали фальшивое положеніе кондукторовъ. Ихъ не выдвинули изъ рамокъ служительскихъ обязанностей, поставили только въ качествѣ старшихъ служителей, не сдѣлали отвѣтственными по завѣдыванію небольшими участками лѣсовъ за сохранность этихъ послѣднихъ и за точное исполненіе въ нихъ приказаній лѣсничихъ по хозяйству, чѣмъ только и возможно было упрочить охраненіе и улучшеніе

лѣсовъ, освободивъ лѣсничихъ отъ значительной доли работъ, которыхъ невозможно поручить помощнику, необлеченному известною степенью власти и недостаточно отвѣтственному за свои упущенія. Если бы кондукторскія должности были правильно установлены, то они должны бы были имѣть у насъ такое значеніе, какое въ Пруссіи имѣютъ должности ферстера, и тогда наши лѣсничіе соотвѣтствовали бы прусскимъ оберъ-ферстерамъ. При такой организаціи мѣстной лѣсной администраціи можно было бы въ послѣдствіи ограничиться и гораздо меньшимъ числомъ низшихъ ступеней лѣсной стражи.

Когда послѣ утвержденія уже проектовъ 1845 года, я на сдѣланную, по моему мнѣнію, ошибку обратилъ вниманіе бывшего Директора Лѣснаго Департамента, а также Статсъ-Секретаря Карнѣева, то они находили, что при тогдашнихъ условіяхъ невозможно осуществить мои мысли, потому что въ данный моментъ кондукторовъ еще не было и ихъ, по всей вѣроятности, въ теченіи многихъ лѣтъ наберется слишкомъ недостаточное число изъ егерскихъ училищъ, чтобы можно было каждое лѣсничество разбить на нѣсколько участковъ, съ назначеніемъ въ каждый отвѣтственнаго подлѣсничаго, исполняющаго приказанія хозяина — лѣсничаго. Однако, рано ли, или поздно, я убѣжденъ, что мы должны будемъ придти въ нашихъ лѣсахъ къ административнымъ порядкамъ, упомянутымъ выше и известнымъ въ Германіи подъ названіемъ оберъ-ферстерской системы, давно испытанной въ Пруссіи. Съ этими порядками совсѣмъ нельзя сравнивать палліативныя мѣры порученія менѣе важныхъ лѣсничествъ въ самостоятельное завѣдываніе кондукторовъ, съ титуломъ подлѣсничаго. Последняя мѣра дѣйствительно есть послѣдняя: ничего худшаго по послѣдствіямъ нельзя себѣ представить. Подобная мѣра влечетъ за собою длинный рядъ ошибокъ: повышеніе уровня спеціальной подготовки кондукторовъ, дѣлающей ихъ бѣлоручками; недовольство ихъ скромными средствами жизни; стремленіе ихъ, по возможности скорѣе, приобрести чинъ и перейти въ положеніе настоящаго лѣсничаго; постепенное замѣщеніе мѣстъ лѣсничихъ подобными чиновными кондукторами, которые всетаки не выйдутъ изъ сферы недоучекъ, а сами будутъ считать себя мужами науки. Все это идетъ во вредъ лѣсной службѣ. Отъ нашихъ подлѣсничихъ, если они составятъ подобіе прусскихъ ферстеровъ, отнюдь не должно требовать и желать иного воспитанія, какъ только въ низшей спе-

цѣльной школѣ. Они должны быть только хорошими исполнителями, а не направляющими хозяйство. Направлять и организовать хозяйство — дѣло лѣсничихъ, отъ нихъ и требуется совершенно иное, — высшее образованіе.

Однако возвратимся къ прерванному нашему историческому изложенію хода развитія лѣснаго дѣла.

Созданный въ 1845 году строй администраціи, безъ сомнѣнія, сравнительно съ существовавшимъ до 1837 г., представлялъ гораздо болѣе гарантій въ предупрежденіи и въ раскрытіи злоупотребленій въ лѣсахъ, ибо не только одни донесенія и отчеты могли подвергаться въ Палатѣ контролю, но дана была также нѣкоторая возможность провѣрить самыя дѣйствія въ лѣсахъ и слѣдить за правильностью исполненія приказаній, если только лѣсные ревизоры и губернскіе лѣсничіе, а равно и вице-инспектора исполняютъ добросовѣстно свои обязанности. Правда, районы, порученные лѣсничимъ и лѣснымъ ревизорамъ, были слишкомъ обширны; это хорошо понимали и люди тогдашняго времени, но, по малоходности еще лѣсовъ, не было средствъ къ уменьшенію лѣсничества и ревизионныхъ округовъ. Надо было протягивать ножки по одеждѣ; надо было довольствоваться достиженіемъ возможнаго и пока не мечтать о порядкѣ идеальномъ. Надѣялись, и имѣли право, даже при обширныхъ лѣсничествахъ, рассчитывать на то, что самоволіе и злоупотребленія въ лѣсахъ по крайнѣй мѣрѣ не будутъ впредь достигать громадныхъ размѣровъ, а затѣмъ, по мѣрѣ хозяйственнаго устройства лѣсовъ, постепенно будутъ уменьшаться и случаи правонарушеній. Однако для осуществленія и такихъ, на первый случай скромныхъ желаній, надо было образовать лучшій, чѣмъ былъ, составъ лѣсной стражи и озаботиться о томъ, чтобы лѣсничіе могли размѣститься на жительство среди завѣдываемыхъ ими лѣсовъ. Поэтому Лѣсной Департаментъ обратилъ особое вниманіе на постройку домовъ лѣсничимъ и на преобразование лѣсной стражи; стоитъ только просмотрѣть вереницу послѣдовавшихъ въ теченіи первыхъ 15 лѣтъ предписаній по этимъ предметамъ, чтобы убѣдиться, что, не смотря на частыя настоянія Министерства, иногда съ угрозами, все таки постройка домовъ и водвореніе болѣе надежной стражи подвигались очень медленно.

Какъ извѣстно, въ 1798 году, въ Высочайше утвержденной форстмейстерской инструкціи, постановлено было въ помощь форстмейстерамъ, для охраненія лѣсовъ, назначать лѣсныхъ надзирате-

лей изъ крестьянъ по выбору на годъ. Число этихъ надзирателей предоставлялось усмотрѣнію оберъ-форстмейстеровъ. Затѣмъ, по Высочайше утвержденному 19 іюня 1826 г. новому положенію о лѣсной части, число надзирателей изъ крестьянъ, названныхъ тогда полѣсовщиками, поручено было опредѣлять Казеннымъ Палатамъ, съ утвержденія гражданскихъ губернаторовъ, но послѣдніе въ 1846 году, освобождены были отъ этой обязанности.

Графъ Канкринъ признавалъ, что охраненіе лѣсовъ недостаточно прочно при избраніи крестьянъ временно на службу въ полѣсовщики, а потому, по его представленію, 1832 года декабря 28-го Высочайше утверждено Положеніе о постоянной лѣсной стражѣ, въ которую постановлено было избирать благонадежныхъ крестьянскія семейства и водворять ихъ на постоянное жительство въ лѣсахъ. До введенія же постоянной лѣсной стражи, охраненіе лѣсовъ продолжать объѣздчиками, сторожами, полѣсовщиками и пожарными старостами.

Вновь учрежденное Министерство Государственныхъ Имуществъ также признало, что постоянная лѣсная стража должна быть болѣе благонадежна, чѣмъ полѣсовщики, а потому рѣшено было, по возможности, ускорить водвореніе въ лѣсахъ постоянной лѣсной стражи. Однако предвидя, что дѣло это не можетъ быть осуществлено съ желаемою быстротою, такъ какъ оно сопряжено съ довольно значительными затратами и работами по постройкѣ домовъ и расчисткѣ полей, слѣдовательно еще долгое время придется, рядомъ съ постоянною стражею, имѣть и полѣсовщиковъ изъ крестьянъ, Министерство нашло необходимымъ, чтобы крайній мѣрѣ полѣсовщики и пожарныя старосты изъ крестьянъ, избираемы были не на столь короткій годовою срокъ, какъ было прежде. Поэтому съ Высочайшаго соизволѣнія 1838 г. апрѣля 30 дня, опредѣленъ срокъ службы полѣсовщикамъ и пожарнымъ старостамъ трехлѣтній.

Лѣсные специалисты уже въ 1845 г. много между собою говорили о томъ, что желательно было бы имѣть въ лѣсахъ стражу по вольному найму, съ порядочнымъ содержаніемъ, а также всѣ работы въ лѣсахъ производить наймомъ, а не обязательнымъ для крестьянъ нарядомъ. Мысли эти доведены были до свѣдѣнія П. Д. Киселева и Н. М. Гамалѣя, которые однако въ началѣ не находили источника для покрытія потребнаго на это дѣло значительнаго расхода. Затѣмъ Венгерская компанія прекратила, на

время, всякіе помыслы относительно кодатайства о какихъ либо мѣрахъ, сопряженныхъ съ затратою крупныхъ суммъ. Послѣ же, въ концѣ уже сороковыхъ годовъ, я пытался было вновь заговорить съ графомъ Павломъ Дмитріевичемъ о переводѣ натуральной повинности крестьянъ въ денежную, по отношенію обязанностей службы полѣсовщиковъ и исполненію лѣсныхъ работъ. Министръ совсѣмъ было уже рѣшился внести по этому предмету представленіе законодательнымъ порядкомъ, но Н. М. Гамалѣя нашелъ несвоевременнымъ возбуждать этотъ вопросъ, и рѣшили повременить. Затѣмъ началась Крымская война и весь вопросъ надолго былъ отложенъ. Онъ вновь возникъ много лѣтъ спустя, но кажется вовсе не въ связи съ прежними предположеніями, а совершенно самостоятельно, и тогда благополучно рѣшенъ во время министерства генерала Зеленаго. Сколько припоминаю, проектъ этого дѣла былъ разработанъ Н. В. Холшевниковымъ и П. Р. Казидиннымъ, но говорю „сколько припоминаю“, потому что послѣ 1858 года я не вносилъ въ свой дневникъ отиѣтокъ по лѣсной администраціи такъ какъ уже болѣе не стоялъ близко къ центральному управленію.

Между тѣмъ мысль, чтобы скорѣе освободиться отъ крайне неблагоприятной обязательной службы полѣсовщиковъ, не исчезла безслѣдно, хотя частичное осуществленіе ея послѣдовало на началахъ далеко не рациональныхъ. Именно приказано было, гдѣ окажется удобнымъ, поселять въ лѣсахъ стражу изъ отставныхъ и въ безсрочномъ отпуску находящихся нижнихъ воинскихъ чиновъ, подъ названіемъ военно-лѣсныхъ сторожей, производя каждому жалованье по 15 руб. въ годъ изъ мірскаго сбора съ обществъ, освобождающихся чрезъ то отъ натуральной повинности охраненія лѣсовъ, а если производство такого жалованья изъ упомянутого источника окажется затруднительнымъ, то выдавать его изъ прибылей, выручаемыхъ отъ лѣсоустройства. Такимъ сторожамъ постановлено строить небольшихъ размѣровъ дома и отводить подъ огородъ отъ $\frac{1}{2}$ до 1 десятины удобной земли и, гдѣ возможно, давать для покоса и пастбы скота поляны, неприносящія взысканія дехода.

Вслѣдъ затѣмъ Военное Министерство получило отъ русскаго военнаго уполномоченнаго генерала Бенкендорфа въ Берлинѣ сообщеніе о способѣ комплектованія въ Прусской арміи стрѣлковъ сыновьями лѣсныхъ чиновъ и поэтому повело въ сношеніе

ствъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ. Послѣ послѣдовавшаго между обоими Министерствами соглашенія, состоялось 9 апрѣля 1851 года Высочайше утвержденное положеніе о комплектованіи нашихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ кантонистами лѣсной стражи и о комплектованіи сей послѣдней нижними чинами стрѣлковыхъ баталіоновъ. Въ Высочайшемъ повелѣніи выражено, что по особому роду службы стрѣлковыхъ баталіоновъ, требующему искусства въ цѣльной стрѣльбѣ и ловкости, баталіоны эти впредь комплектовать, на первое время по мѣрѣ возможности, въ послѣдствіи же исключительно, одними кантонистами лѣсной стражи и сыновьями нижнихъ чиновъ, имѣющихъ поступить въ оную изъ означенныхъ баталіоновъ. Основанія, въ общихъ чертахъ, были установлены слѣдующія:

а) Строевые нижніе чины стрѣлковыхъ баталіоновъ, по безпорочномъ прослуженіи 15 лѣтъ, перечисляются въ поселенную лѣсную стражу, для дослуженія въ оной общаго, закономъ определеннаго, срока. Унтеръ-офицеры означенныхъ баталіоновъ, если пожелаютъ, могутъ вмѣсто поселенныхъ стрѣлковъ, поступить въ лѣсные объѣздки.

б) Предполагалось поселить 1000 стрѣлковъ съ ихъ семействами, а кто изъ нихъ будетъ холостымъ, или не будетъ имѣть сыновей, достигшихъ 17 лѣтняго возраста, къ тѣмъ назначать въ помощь кантонистовъ изъ воспитательнаго дома и военныхъ поселеній. Поселять стрѣлковъ по 100 семействъ въ годъ.

в) Если стрѣлокъ пожелаетъ, послѣ отбытія определеннаго срока службы, продолжать оную въ лѣсныхъ стрѣлкахъ, то получаетъ серебряный шевронъ и полоторный окладъ жалованья.

г) Разъ въ году, въ августѣ, кантонисты собираются, по распоряженію губернскаго лѣсничаго, для испытанія въ успѣхъ фронтнаго образованія и въ цѣльной стрѣльбѣ.

д) Каждому поселяемому семейству стрѣлка дается домъ и корова и отводится 1 десятина земли подъ огородъ.

е) Стрѣлокъ получаетъ обмундированіе и ему отпускается провіантъ въ размѣрѣ полной дачи обыкновеннаго солдатскаго пайка, а кантонистамъ отпускается провіантъ до 7 лѣтняго возраста въ половинномъ размѣрѣ, а старше 7 лѣтъ полный паекъ. Сверхъ обыкновеннаго пайка, холостому стрѣлку назначено по $\frac{1}{2}$ фунта мясной порціи въ день и соли по 2 фунта въ мѣсяцъ, а жена-тому вдвойнѣ. Кантонисту дается мясо и соль, какъ холостому.

Всѣмъ этимъ расходамъ вычислена была табель, по которой общее содержаніе въ годъ составляло:

Холостаго стрѣлка . . .	45 р. 30 ¹ / ₂ к.
Женатаго „ . . .	61 „ 38 ¹ / ₄ „
Кантониста „ . . .	44 „ 4 ⁷ / ₈ „

Слѣдовательно женатый стрѣлокъ, съ кантонистомъ при немъ, обходился казнѣ въ годъ 105 руб. 43 коп., кромѣ ремонта и отопленія дома, отпукавшихся также отъ казны.

Первая партія нижнихъ чиновъ стрѣлковыхъ баталіоновъ поселена была въ лѣсахъ въ 1852 году, вторая партія въ 1853 г. Затѣмъ началась Крымская компанія и дальнѣйшее водвореніе этого рода стражи прекратилось.

Къ 1857 году во всѣхъ лѣсахъ, подвѣдомственныхъ Лѣсному Департаменту, находилось разнаго наименованія стражи: кондукторовъ 47 чел., объѣзчиковъ 1543 чел. крестьянскихъ семействъ постоянной лѣсной стражи 1245, а домовъ для нихъ уже было построено 1309, нижнихъ чиновъ изъ стрѣлковыхъ баталіоновъ 183 чел. и при нихъ 175 помощниковъ изъ питомцевъ воспитательныхъ домовъ, домовъ же для этого рода стражи было построено 300, вольнонаемныхъ сторожей 1331 чел., для коихъ было домовъ только 806, пожарныхъ старостъ 5018, полѣсовщиковъ 29728 человекъ.

Очевидно, что дѣло водворенія благонадежной лѣсной стражи шло весьма медленно, когда послѣ 20 лѣтъ, со времени образованія Министерства Государственныхъ Имуществъ, еще оставалось по наряду изъ крестьянъ 34746 человекъ мало полезныхъ для охраненія лѣсовъ пожарныхъ старостъ и лѣсниковъ, т. е. этого рода лѣсной стражи уменьшилось съ 1837 года только на 5624 человекъ. Но и бывшихъ до 1857 года вольнонаемныхъ сторожей нельзя было признать благонадежными. Ихъ связь съ лѣсами была слишкомъ слаба, быть ихъ не обезпечивался ничтожнымъ жалованьемъ по 15 руб. въ годъ и отводомъ отъ ¹/₂ до 1 десятины земли подъ огородъ. Дозволеніе имъ пастбы скота и сѣнокосенія, безъ отвода для этого опредѣленныхъ участковъ земли, составляло, конечно, важное подспорье къ жизни, но это въ губерніяхъ средней полосы Россіи вредно вліяло на состояніе лѣсовъ, ибо нерѣдко по трактамъ скотопрогоннымъ, цѣлыя гурты скота пускались въ лѣсъ, а гдѣ подобная потрава лѣса недопускалась, или по самому положенію лѣсной дачи къ тому не представлялся

случай, тамъ дешевая вольнонаемная стража почти вездѣ оказывалась нерадивой къ прямымъ своимъ обязанностямъ и не дорожила мѣстомъ.

При такомъ составѣ стражи, лѣсничій имѣлъ мало отъ нея помощи, а если въ числѣ лѣсничихъ находились иногда люди не особенно твердыхъ нравственныхъ качествъ, то имъ менѣе представлялось опасности быть изобличенными такою стражею въ допущенномъ нарушеніи закона, если только и самой стражѣ открывалась возможность личнаго для ней интереса.

Понятно, что качество большинство лѣсной стражи не была таково, чтобы при громадности площадей лѣсничества возможно было открывать и преслѣдовать всѣ правонарушенія и злоупотребленія въ лѣсахъ, и уже, конечно, цифры убытковъ отъ пожаровъ и самовольныхъ порубокъ, показанныя въ министерскихъ годовыхъ отчетахъ, выражали лишь дѣйствительно открытыя и насчитанные убытки, но не всю дѣйствительную ихъ величину. Отъ того и убытки подобнаго рода являются ничтожными, напр. по отчету за 1856 годъ составляютъ всю цѣнность въ 128,161 руб. Вообще же крупныя злоупотребленія въ лѣсахъ сдѣлались съ 1843 года явленіемъ довольно рѣдкимъ и причину этого нельзя не признать въ томъ, вопервыхъ, что введенъ былъ контроль въ самомъ лѣсу, хотя и не вполне достаточный, чрезъ лѣсныхъ ревизоровъ, губернскихъ лѣсничихъ, вице-инспекторовъ и командированныхъ отъ Лѣснаго Департамента чиновъ, а вовторыхъ, что уровень нравственныхъ качествъ лѣсничихъ значительно возвышался по мѣрѣ все большаго и большаго поступленія на службу въ Корпусъ Лѣсничихъ людей съ высшимъ образованіемъ.

Охраненіе лѣсовъ, даже при существовавшемъ неудовлетворительномъ составѣ стражи, было бы прочнѣе и лѣсное хозяйство двинулось бы быстрѣе, если бы канцелярская переписка по лѣсному вѣдомству не приняла бы столь громадныхъ размѣровъ, что отнимала множество времени и у лѣсничихъ, и у контролирующихъ и центральныхъ инстанцій. Напримѣръ, въ 1856 году одинъ Лѣсной Департаментъ имѣлъ исходящихъ номеровъ 23,187, а лѣсные отдѣленія всѣхъ Палатъ 238,762. Можно себѣ послѣ того представить громаду всѣхъ бумагъ, посылаемыхъ всѣми лѣсничими, которые, кромѣ того, завалены были множествомъ шнуровыхъ, денежныхъ и матеріальныхъ книгъ и срочныхъ вѣдомостей.